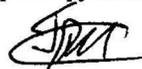

0. 773253

На правах рукописи

ГАРЯЕВ РИФ НАЙЛОВИЧ

**ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ФОРМ И АФФИКСОВ
КАТЕГОРИЙ ЧИСЛА И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
(ПОСЕССИВНОСТИ) ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА**

**10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(татарский язык)**

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Тобольск – 2008

Работа выполнена на кафедре татарского языка, литературы и МП
ГОУ ВПО «Тобольский государственный педагогический институт имени
Д.И.Менделеева».

Научный руководитель:	кандидат филологических наук, доцент Хабиров Лутфулла Гайфуллович
Официальные оппоненты:	доктор филологических наук, профессор Псянчин Юлай Валиевич
	кандидат филологических наук, доцент Насипов Ильшат Сахиятуллович
Ведущее учреждение:	Елабужский государственный педагогический институт

Защита диссертации состоится «20» декабря 2008 г. в 13. 00 часов на заседании Объединенного диссертационного совета ДМ 212.316.01 по специальности 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (татарский язык) в Тобольском государственном педагогическом институте им. Д.И.Менделеева по адресу: 626150 г. Тобольск, ул. Знаменского, 58.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Тобольский государственный педагогический институт им. Д.М.Менделеева» по адресу: 626150 г. Тобольск, ул. Знаменского, 58.

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Тобольского государственного педагогического института им. Д.М.Менделеева «18» ноября 2008 года.

Режим доступа: <http://www.tobgpi.ru/info/nauka/aspirantura>.

Автореферат разослан «18» ноября 2008 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000439035

*Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук, доцент*

Ф.С. Сайфулина

Общая характеристика работы

За последние десятилетия заметно усилился интерес к сравнительно-историческому исследованию языков одной генеалогической семьи (шире — больших языковых общностей, например, индоевропейских или урало-алтайских), что обусловлено стремлением проследить тенденции развития языков как способа отображения мира, а также установления генезиса и развития форм и аффиксов тех или иных грамматических категорий языка.

Актуальность исследования. Проблема изучения истории развития аффиксов морфологических категорий имени существительного тюркских языков (в том числе и татарского), несмотря на наличие значительного количества этимологических изысканий, статей и ряда монографий, продолжает оставаться одной из важнейших задач, стоящих перед современной тюркологией и урало-алтаистикой.

Исследования в отечественной и зарубежной тюркологии последних лет значительно расширили возможности для ведения научных изысканий в области истории отдельного языка или группы языков. Достижения исторической тюркологии налицо. Они определены основополагающими трудами А.Н. Кононова, Б.А. Серебренникова, Э.В. Севортян, Н.А. Баскакова, Дж.Г. Киекбаева, А.М. Щербака, Т.М. Гарипова, И.В. Кормушина, В.М. Насилова и др. [Кононов 1956, 1960; Серебренников, Гаджиева 1979, 1983; Севортян 1962, 1966; Баскаков 1979; Киекбаев 1972, 1996; Щербак 1977; Гарипов 1979; Кормушин 1984; Насилов 1989].

Однако следует заметить, что действительно в течение последних нескольких десятилетий была проделана гигантская работа в плане сравнительно-исторического изучения грамматики и лексики тюркских языков коллективом московских тюркологов во главе с членом-корреспондентом РАН Э.Р. Тенишевым [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 1984, 1986, 1988, 1997, 2001, 2002, 2006].

Вместе с тем, большинство исследований по истории отдельных тюркских языков представляет собой лишь описание языковых особенностей, соответствующих современным языкам. В этом случае исследователи ограничивались указанием лишь на отдельные явления в письменных памятниках.

В результате этого архаичные формы, существующие в современном языке, также в его диалектах и говорах, наряду с материалами близко и отдаленно родственных языков, оставались вне поля зрения тюркологов. Поэтому все большее научное и практическое значение приобретают исследования истории развития форм грамматических категорий отдельных языков, а также близких им по структуре групп языков (например, тюркских, монгольских, тунгусских, шире — уральских) с довольно широким охватом фактического материала.

Исходя из вышеизложенного, актуальность проблемы, поставленной в диссертационном исследовании, представляется несомненной, ибо в нем впервые в татарском языкознании история развития форм и аффиксов

грамматических категорий числа и принадлежности имени существительного рассматривается на основе привлечения довольно большого количества материала, извлеченного из живых диалектов и говоров татарского языка, из других родственных языков и их диалектов, из древних памятников, дошедших до наших дней.

Степень изученности темы. Первым опытом исторической морфологии татарского языка следует считать исследование Л.З. Заляя «Татар диалектологиясе» («Татарская диалектология») [Заляй 1947] и его же «Татар теленең тарихи фонетикасы буенча материаллар» (Материалы по исторической фонетике татарского языка) [Заляй 1954]. В них автор выясняет происхождение форм морфологических категорий некоторых знаменательных частей речи путем сравнений и идентификации с другими тюркскими языками, а также данными из древнетюркского языка. Примечательно еще то, что в 2000 году увидела свет книга Л.З. Заляя «Татар теленең тарихи морфологиясе (очерктар)» («Историческая грамматика татарского языка (очерки)»), где собраны и систематизированы научно-исследовательские очерки, повествующие историческое развитие форм и аффиксов грамматических категорий имен и глагола, написанные автором в середине двадцатого столетия (1953 г.).

Целью диссертационного исследования является изучение истории развития форм морфологических категорий числа и принадлежности имени существительного татарского языка, попытка реконструирования их начальных формантов, анализ процесса становления современных аффиксов указанных морфологических категорий (множественного числа *-лар*, принадлежности *-ым, -ың, -ы -е, -ыбыз, -ыгыз* и т.д.).

В соответствии с поставленной целью определяются следующие задачи: описать историографию изучения проблемы в татарском языкознании и в тюркологии;

раскрыть сущность теории определенности и неопределенности, разработанной Дж.Г. Киекбаевым;

установить пути исторического развития форм и аффиксов категории принадлежности (посессивности) татарского языка;

реконструировать процесс становления современных аффиксов множественного числа в татарском языке.

Объектом исследования являются аффиксальные морфемы, образующие формы множественного числа, а также формы принадлежности (посессивности) татарского языка.

Предметом исследования являются история происхождения форм и аффиксов множественного числа, формы принадлежности (посессивности) татарского языка в сравнении с другими тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими, а также некоторыми уральскими языками.

Методологическую основу исследования составили труды известных зарубежных и отечественных тюркологов и алтаистов (Н.А. Баскаков, Н.К. Дмитриев, Дж.Г. Киекбаев, А.Н. Кононов, В.Л. Котвич, Г.И. Рамстедт, М. Ряснян, Э.В. Севортян, Б.А. Серебренников, Э.Р. Тенишев, В.Ф. Шотт, А.М.

Щербак), а также работы ученых в области татарского и башкирского языкознаний (А.М. Азнабаев, Р.Г. Ахметьянов, Л.З. Залый, Э.Н. Наджип, А.Х. Нуриева, В.Ш. Псянчин, Ф.С. Хакимзянов, В.Х. Хаков и др.).

Сравнительно-исторические и историко-типологические исследования Э.Р. Тенишева, И.В. Кормушина, В.М. Насилова, А.В. Дыбо, О.А. Мудрака обнаруживают широкое привлечение материала из алтайских и уральских языков.

Методы исследования. Для достижения поставленной в диссертационной работе цели использован комплекс методов и исследовательских приемов: описательный, сравнительно-исторический (компаративный) методы. Данное исследование основывается на идее фузионного развития тюркских языков, предложенной А.Н. Коновым, поддержанной и дополненной Г.Ф. Благовой, и на теории определенности и неопределенности, выдвинутой Дж.Г. Киекбаевым. В ходе исследования эти подходы и приемы дополняют друг друга.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые дается комплексный анализ процесса развития форм отдельных грамматических категорий имени существительного татарского языка на идее фузионного развития тюркских языков и теории определенности и неопределенности. Полученные результаты дают право заключить, что применение указанных исследовательских приемов в изучении исторической грамматики как одного конкретного, так и группы родственных языков открывает большую перспективу. Несомненно, эти исследовательские приемы помогут при этимологизировании слово- и формообразовательных морфем.

Теоретическая значимость исследования состоит в разработке форм и приемов применения идеи фузионного развития формантов и вероятностных обоснований в изучении истории развития тюркских языков, которые позволяют более точно установить, какую функцию выполнял в прошлом тот или иной элемент, входящий в состав современного осложненного аффикса и представляющий из себя один только согласный звук.

Практическая значимость работы состоит в том, что её результаты могут внести определенный вклад в разработку вопросов исторического развития татарского языка. Материалы могут быть использованы в преподавании курсов «Историческая грамматика татарского языка», «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» и ряда спецкурсов по проблемам истории татарского языка.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Категория определенности-неопределенности пронизывает всю языковую систему. Она представляет собой универсальное языковое явление и, в отличие от индо-европейских языков, выражается в тюркских языках (в том числе и в татарском) другими грамматическими средствами (фонетическими, морфологическими, синтаксическими и лексическими).

2. Аффикс множественного числа *-лар* имени существительного татарского языка и других тюркских языков не возник путем присоединения и превращения полнозначного слова *нар* со значением «совокупность», а

образовался путем постепенного наращивания друг на друга древних однофонемных показателей множественности и неопределенности по мере утраты значения каждого предыдущего показателя. Это значит, что на основу имен существительных на *-л* (общеалтайская основа множественного числа) наращивался показатель неопределенности *-а*, затем общеалтайский показатель множественности *-р*: *-л-а-р = -лар*.

3. Форма принадлежности первого и второго лица единственного числа образовалась путем сращения показателя определенности *-м* и *-ң* (*кул-ым* «моя рука» и *кул-ың* «твоя рука»), а форма множественного числа — прибавлением показателей множественности *-к (-2)* и *-з* (*кул-ыз-ыз* «ваши руки»). Показатель принадлежности третьего лица *-ы* является одновременно показателем винительного падежа в огузских языках в словах с конечным согласным (*ат-ы* «коня» и *ат-ы* «его коня»).

4. Показатель множественности *-к*, соединяясь с другим показателем собирательной множественности *-л*, образовал осложненный аффикс *-лык*, выражающий обилие однородных предметов: *каен-лык* «березняк» и др.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования нашли отражение в 10 публикациях. Авторские идеи были представлены на ежегодных итоговых научных конференциях Башкирского государственного педагогического университета имени Мифтахетдина Акумуллы в 2006-2008 гг. Всероссийских научно-практических конференциях: «Филологическая наука конца XX – начала XXI вв.: Проблемы, опыт, исследования, перспективы» (Елабуга, 2007) и «Проблемы сохранения этнического самосознания, языка и культуры сибирских татар в XXI веке» (Тобольск, 2008).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы.

Основное содержание диссертации

Во введении обосновывается выбор темы, актуальность ее изучения, определяется научная новизна исследования, формулируются цель и задачи работы, дается характеристика объекта и предмета исследования, обозначаются методологическая база и методы исследования, раскрывается теоретическая значимость работы, освещается степень изученности проблемы.

Первая глава — «Категория определенности-неопределенности в тюркских языках и способы ее выражения» включает в себя два параграфа.

В первом параграфе «Сущность и логико-грамматическая характеристика категории определенности-неопределенности» рассматривается понятие и сущность категории определенности-неопределенности. Как ранее считалось, данная категория присуща только западно-европейским языкам, при этом подчеркивалось неразвитость ее в уральских и алтайских (в том числе тюркских) языках. Известный тюрколог и урало-алтаист Дж.Г. Киекбаев, разъясняя подходы к пониманию сути понятия определенности и неопределенности, писал: «...сущность грамматической категории определенности-неопределенности в урало-алтайских языках сводилась, в

основном, к артиклю и тем самым подход к этой грамматической категории был узкоконтекстовым. В сущности же дело заключается вовсе не в артикле как препозитивной или постпозитивной частице, а в самой идее определенности и неопределенности, которая основана на принципе противопоставления определенных и неопределенных предметов и явлений в окружающей нас действительности. В этом плане идея определенности и неопределенности тесно связана с мыслительной деятельностью человека» [Киекбаев 1972: 76-77].

Грамматическая категория определенности-неопределенности в уральских и алтайских языках чрезвычайно развита и представляет собой весьма сложную картину. Сложность ее состоит в том, что эта категория пронизывает всю грамматическую систему этих языков и выражается различными грамматическими средствами. Она строго взаимосвязана и отражается как в сфере имени, так и в сфере глагола или в сфере имени и глагола одновременно. Дж.Г. Киекбаев выявил в упомянутых языках другие пути и средства (фонетические, морфологические, лексические и синтаксические) выражения понятий определенности-неопределенности [Киекбаев 1966: 248 -249].

Свою теорию определенности и неопределенности Дж.Г.Киекбаев последовательно и неуклонно применял при разработке вопросов исторической и сравнительной грамматики тюркских языков, а также при разработке проблемы общности урало-алтайских языков [Киекбаев 1967; 1972]. Данная теория применима не только для диахронического изучения языковых явлений, но и для объяснения трудных и загадочных фактов языка в современном состоянии.

В татарском языке прямое дополнение, выраженное именем существительным, обозначающим множество одинаковых предметов, находясь непосредственно перед сказуемым, как правило, имеет форму неопределенного объектного (винительного) падежа единственного числа: *Ул су кертә* «Он заносит воду» (досл. Он вода заносит). *Ул жыләк жыйа* «Он собирает ягоды» (досл. Он ягода собирает). *Ул гомере буена бала укыткан* «Всю свою жизнь он учил детей» (досл. Он всю свою жизнь ребенка учил). Теория определенности и неопределенности способствует объяснению причины данного явления. Как выяснилось, в татарском и башкирском языках (и в других тюркских языках) в роли неопределенного артикля часто выступает нулевой аффикс, чем и объясняется наличие определенных и неопределенных вариантов одного и того же падежа. Например, в татарском языке принадлежащий (притяжательный), объектный, направительно-целевой и др. косвенные падежи имеют как определенную, так и неопределенную форму: *этинәң сәгатә* — *эти сәгатә*; *Мин китап эзлим.* — *Мин китапны укыдым*; *Алар шәһәргә китпеләр.* — *Алар шәһәр баралар.* (диал.). А понятие неопределенности неразрывно связано с идеей множественности, ибо большое количество предметов, особенно коллективное множество одинаковых предметов не поддается точному подсчету. Форма *атлар* выражает не только множество предметов (лошадей), но и неопределенное их количество. Поэтому в семантике следующих выражений *Ул атлар көтә* и *Ул ат көтә* «Он

пасет лошадей» нет никакой разницы, поскольку количество коней не было определенным. Следовательно, для выражения неопределенного множества могут употребляться или аффиксы множественного числа, или нулевой аффикс. Очевидно, в тюркских языках закрепился последний путь выражения или передачи понятия неопределенного множества, ибо в каждом языке функционирует тенденция к компактности.

Во втором параграфе «Грамматические средства, выражающие категорию определенности-неопределенности в татарском языке» выявлены и описаны четыре группы средств выражения этой категории (фонетические, морфологические, лексические и синтаксические). Широкие гласные *-а, -э* в алтайских языках (в том числе и в татарском) выражают понятие неопределенности и множественности, а остальные полуширокие и узкие — определенности. Как отмечает Дж.Г. Киекбаев, «...в личных местоимениях некоторых урало-алтайских языков идея множественности-неопределенности грамматически выражается путем замены узких передних гласных широким, или задним» [Киекбаев 1972: 96]. Ср. общемонг. *би* (я) и дагур. *баа* (мы), *ин* (он) — *ан* (они). Замена узкого гласного широким наблюдается и в местоимениях татарского языка и в диалектах башкирского языка: *ул* «он» — *алар* «они» (в татарском языке *алар* используется как литературная норма; в башкирском *алар* используется как диалектальная и разговорная форма, а литературная форма — *улар*). Теорией определенности и неопределенности можно объяснить и такое «странное явление» в татарском и других родственных языках, как частое отсутствие согласования подлежащего и сказуемого в числе: *Тышта суыклар тора. Март бураннары башланды. Каникуллар тамамланды. Сулар акты* «На улице стоят холода. Начались мартовские бураны. Закончились каникулы. Воды потекли» (досл. На улице стоит холода. Начался мартовские бураны. Закончился каникулы. Воды потекла). В современном татарском языке невозможны конструкции типа: *Тышта суыклар торалар. Март бураннары башландылар* и т.д. Подлежащие в этих предложениях выражены именами существительными со значением неопределенного множества: *суыклар* «холода», *март бураннары* «мартовские бураны», *сулар* «воды». Сколько было холодов, мартовских буранов или воды, никто не ответит, поэтому их сказуемые стоят в форме единственного числа.

В татарском языке, как и во всех тюркских, неопределенное состояние предмета, обозначенного существительным, выражается с помощью многозначного слова *бер* «а) один, б) некий, в) какой-то», часто выступающего по отношению к этому существительному определением. Например: *Минем алдан бер кыз бала атлый* (И.Гази) «Перед мной шагает какая-то девочка». *Бер хикяят килде телемә* (Кисекбаш) «Одна (некая) история пришла мне на язык».

На неопределенность предмета указывают и неопределенные местоимения *ниндидер* «какой-то», *алла кем* «кто-то», *алла нәрсә* «что-то». Например: *Ниндидер кечкенә малай тегеләргә капка ачты* (И. Гази) «Какой-то маленький мальчик открыл им ворота».

Неопределенности, выраженной словом *бер*, противопоставляется определенность, показателями которой выступают а) указательные местоимения (*бу*,

шушы, ул, шул («этот, тот»); б) личные местоимения; в) аффиксы принадлежности; г) имена прилагательные, оканчивающиеся на *-дагы*; д) лексическое значение слова, т.е. имена собственные.

Значение определенности-неопределенности предметов выражается и путем изменения порядка слов (места прямого дополнения) в предложении: *Мин китап укыйм* «Я читаю книгу». — *Китапны мин укыйм* «Я читаю (данную) книгу». Невозможен вариант: *Китап мин укыйм* «Книга я читаю».

Вторая глава — «Грамматические категории числа и принадлежности имени существительного татарского языка» включает в себя пять параграфов.

В первом параграфе «Историография проблемы и новый подход в объяснении происхождения аффиксов числа и принадлежности» дается хронологическое описание изученности категории числа и принадлежности (посессивности) в тюркологии и выдвигается новый подход в объяснении процесса становления аффиксов числа и принадлежности во многих тюркских языках, в том числе и в татарском. *Во втором параграфе* «Лексико-грамматические особенности имени существительного татарского языка» описываются лексико-грамматические особенности имени существительного татарского языка. Под значением предметности объединяются самые различные в семантическом отношении слова. Это — конкретные и абстрактные, вещественные и собирательные, собственные и нарицательные имена существительные.

В собирательных именах существительных в форме единственного числа выражено значение сплошного множества. Эта множественность воспринимается как единое, неделимое целое. Основным средством выражения, внешним показателем этого значения выступает аффикс *-лык*, например: *таш-лык, каен-лык*.

Среди собирательных имен существительных встречаются и безаффиксальные: *халык* «народ» и т.д.

В третьем параграфе «Хронологический анализ изученности грамматических категорий имени существительного татарского языка» дается историографическое описание основных грамматических категорий имени существительного, как категория числа и категория принадлежности.

В четвертом параграфе «Грамматическая категория числа имени существительного татарского языка» выявляются и описываются лексико-семантические и грамматические особенности форм единственного и множественного числа.

В лингвистической литературе отмечается, что имя существительное может не только обозначать конкретный, реально воспринимаемый предмет, имеющий пространственно-временные характеристики, но и называть этот предмет абстрактно, выражать идею, понятие предмета или указывать на его качественные характеристики. Способность форм единственного числа обозначать не только один, но и несколько денотатов побудило некоторых лингвистов отказаться от традиционного определения категории числа. Широта же его значения привела к тому, что единственное число стало вообще рассматриваться как форма, выражающая безотносительность к идее числа, как «нулевое число».

Единственное число агентивных существительных может выступать синонимом множественного числа в определенных контекстуально-ситуативных условиях: *Башкортстан — язучыга (язучыларга) бай як* «Башкортстан — богатый край на писателя (писателей)».

Иногда форма единственного числа оказывается нейтральной к выражению единичности-неединичности. Как указывается выше, аффикс *-лар/-лар* есть показатель множественного числа, который противопоставляется единственному числу, состоящему только из корня или производной основы. Однако следует заметить, что понятие множества в тюркских языках, в том числе и в татарском, может обозначаться и нулевой формой имени существительного; при этом выражается одновременно весь класс, род существ, предметов в целом [Кононов 1956: 67].

Форма единственного числа характерна именам существительным лишь в сочетании с числительными: *ике китап* «две книги». Например: *Өстәлдә ике китап ята* «На столе лежат две книги».

Категория множественности представляет собой одну из реализаций значительно более широкой категории квантитативности, под которой следует понимать совокупность языковых средств, служащих выражению количественных значений.

Множественное число оформляется с помощью специального аффикса, который присоединяется к основе слова. Множественное число в именах существительных обычно выражает неопределенное множество (несединичность): *өйләр* «дома», *кешеләр* «люди», *атлар* «лошади». Противопоставление реальной единичности и множественности четко проявляется лишь в именах существительных, обозначающих считаемые предметы. Такие существительные имеют соотносительные формы единственного и множественного числа: *китап* «книга» — *китап-лар* «книги», *өй* «дом» — *өй-ләр* «дома». Аффикс *-лар/-лар* функционирует в следующих фонетических вариантах: 1) *-лар, -ләр*, присоединяющиеся к словам, у которых основа оканчивается на гласные и согласные звуки; 2) *-нар/-нәр* присоединяется к основам, имеющим в конце назальные (носовые) звуки *м, н, ң* и слов, заимствованных из русского языка с согласными *м, н* в конце основы. Например, *кыз-лар* «девушки», *ат-лар* «кони», *күл-ләр* «озера», *тау-лар* «горы», *мәче-ләр* «кошки», *самолет-лар* «самолеты», *депутат-лар* «депутаты», *Кадыров-лар* «Кадыровы», *чирәм-нәр* «залежи», *утын-нар* «дрова», *барабан-нар* «барабаны», *храм-нар* «храмы» и т.д.

Форма множественного числа собирательных существительных служит для обозначения раздельного множества совокупных единиц. Например: *Безнең илдә халыклар үзара дус яшиләр* «В нашей стране народы живут между собой дружно».

В форме множественного числа употребляются иногда и имена собственные. Они обозначают семью, окружение этого лица. Например: *Мин Артурларга барам* «букв. Я иду к Артурам (в семью Артура)».

Слова, заимствованные из русского языка, не употребляемые во множественном числе, в татарском языке могут иметь и форму

множественного числа. Например: *пальтолар* «много пальто», *радиолар* «много радио» и т.д.

В пятом параграфе «Грамматическая категория принадлежности имени существительного татарского языка» дается лексико-семантическая и морфологическая характеристика словоизменительной категории принадлежности. Формы данной категории способны выражать одновременно и предмет обладания, и лицо обладателя [Дмитриев 1948: 54].

В татарском языке принадлежность (отношение) предмета какому-либо лицу выражается с помощью специальных аффиксов: *китаб-ым* «моя книга», *китаб-ың* «твоя книга», *китаб-ы* «его (ее) книга», *китаб-ыбыз* «наша книга», *китаб-ыгыз* «ваша книга», *аларның китаб-ы* «их книга».

Принадлежность предмета третьему лицу (или третьим лицам) обычно выражается сочетанием личного местоимения третьего лица в притяжательном падеже с существительным с аффиксом принадлежности этого же лица: *аның эте* «его (ее) собака», *аларның эте* «их собака».

Категория принадлежности обозначает принадлежность предмета определенному лицу, т.е. аффикс принадлежности придает именам существительным оттенок определенности: *китаб-ым* — не просто книга, а книга, которая принадлежит лично мне. Об этом же свидетельствует и тот факт, что имена существительные с аффиксом принадлежности в функции прямого дополнения оформляются, как правило, винительным падежом. Например: *Илем өчен гомеремне дә кызганмыйм* «Ради Родины и жизни не пожалею».

Третья глава — «Историческое развитие форм множественного числа и принадлежности татарского языка» включает в себя два параграфа.

В первом параграфе «Возникновение и развитие аффиксов множественного числа татарского языка» исследуется на основе теории определенности и неопределенности, а также на идее фузионного развития тюркских языков процесс формирования современной формы множественного числа имени существительного татарского языка -лар.

Материалы самих тюркских языков дают основание предполагать, что в глубокой древности у тюркоязычных племен представление о множественности было совершенно иным. В сознании древних тюрков безусловно существовали понятийные категории единичного и множественного. Эти понятийные категории были результатом жизненного опыта. Однако в языке эти различия, по-видимому, не выражались. Слово *ат* «лошадь», в представлении древних тюрков могло означать в зависимости от контекста и «лошадь», и «лошади», что в известной мере наблюдается и в современных тюркских языках. Значительно чаще в языке древних эпох выражалось так называемое собирательное множественное число. Это в большей степени соответствовало более конкретному мышлению древнего человека. В тюркских языках обнаруживаются явные следы показателей собирательной множественности [Серебрянников, Гаджиева 1979: 89-90].

В древние времена таких показателей собирательной множественности было, по-видимому, довольно много. По предположению Б.А. Серебрянникова

и Н.З. Гаджиевой аффиксами собирательной множественности в тюркском языке были форманты *з, к, л, м, н, р, с, ч, ш*.

Относительно истории возникновения аффикса множественного числа *-лар* было высказано немало гипотез. Предложенные гипотезы по генезису данного аффикса можно разделить на две группы. Сторонники первой группы во главе с Г.И. Рамstedтом возводили этот аффикс к самостоятельному слову *нар* со значением «совокупность», которое впоследствии якобы потеряло свое первоначальное реальное значение и превратилось в аффикс. Представители другой группы считают, что *-лар* является фузирванным аффиксом, состоящим из двух древнейших показателей множественности или собирательности *-л-* и *-р*.

Исследователь чувашского языка Л.С. Левитская склонна полагать, что *-л* в *-лар* является показателем, выражающим значение совокупности, множества в аффиксах типа *-лык, -лек*; *-ар* из того же *-лар* представляет аффикс с разделительно-собирательным значением [Левитская 1976: 9]. Далее она замечает, что тюркская форма множественного числа выражает одновременно идею собирательности и разделительности.

Относительно истории происхождения аффикса множественного числа *-лар/-лар* у Н.А. Баскакова находим следующие два мнения. В первом случае происхождение аффикса *-лар/-лар* рассматривается в связи с историей формантов, выражающих категорию вида глагола, и автор полагает, что *-лар* состоит из элемента *-ла* «делать, действовать многократно» и *-р* «действующее лицо или предмет», которые образуют сложный аффикс множественного числа *-лар* «действующие многократно предметы или лица > множественное число», например: *таш* «камень» + *-лар* = камень + предметы, действующие многократно > камни» [Баскаков 1979: 91]. Далее он усматривает происхождение данного аффикса следующим образом: аффикс образования глагола от имен на *-ла, -ле* + аффикс причастия будущего времени *-р* > *-ла-р, -ле-р*; например, *иш* «дело», работа», *иш-ле* «работать, производить работу», *иш-ле-р* «производящий работу ~ объекты производства работы > работы».

Как видно из утверждений Н.А. Баскакова, этимология *-ла* из аффикса *-лар* объясняется по-разному: *-ла* восходит: а) к форманту аффикса многократности, присутствующего в аффиксе *-кыла*; б) к аффиксу образования глагола от имен на *-ла*. Таким образом, по предположению Н.А. Баскакова, в аффиксе множественного числа *-лар* фузирвались два элемента, исторически восходящие к показателям, которые функционировали в разных значениях.

Сложность аффикса множественного числа, его структура из двух или нескольких показателей множественности наиболее заметны в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, что, видимо, объясняется генетическими связями алтайских языков.

В монгольских языках продуктивны и такие сложные аффиксы множественного числа, которые образованы повторением одного и того же простого показателя множественности. Примерами такого типа окончания могут служить *-д-нар, -д-нар-ууд, -д-нууд* [Рамstedт 1957: 58].

Сложные аффиксы множественного числа имеются и в тунгусо-маньчжурских языках. В эвенкийском языке «формы множественного числа с аффиксом *-сал, -сол* употребляются параллельно с обычными формами (т.е. с показателем *-р*), например, единственное число *орон* «домашний олень», множественное число *орорл/оросал*; единственное число *мурин* «лошадь», множественное число *мурир/мурисал*.

То же самое обнаруживается в негидальском языке, в котором формы множественного числа с суффиксами *-сал, -сол* могут употребляться с основами всех классов наряду с обычной формой множественного числа (т.е. с аффиксом *-л*, характерным для этого языка). Примеры: *зо* «жилище», *зо-л/зо-сал* «жилища», *адел* «сеть», *адел-ш/адели-сал* «сети».

Таким образом, и в монгольских, и в тунгусо-маньчжурских языках наблюдается явление, аналогичное тюркскому *билиң-из/билиң-лар*, т.е. полное семантическое равенство и взаимозаменяемость первичного простого аффикса множественного числа с новым сложным комплексом, составленным из двух древних показателей множественности. Стало быть, в составе эвенкийского и негидальского *-сал* должны быть два показателя множественного числа *-с* и *-л*, что действительно подтверждается фактами самих алтайских языков.

Итак, можно сделать вывод о том, что тюркский аффикс множественного числа *-лар* прошел сложный многоступенчатый исторический путь развития. В пратюркском языке или в эпоху тюркско-монгольско-тунгусо-маньчжурской языковой общности аффикс множественного числа состоял из одного показателя: *када-л* «горы», *ура-л//урэ-л* «горы». С течением времени форма множественного числа на *-л* стала утрачивать свою семантику множественности, воспринимаясь как элемент, входящий в состав корневого слова. К этой форме потом прибавился новый показатель множественности *-а, -э(-е)*; в отдельных тюркских языках под влиянием губной гармонии образовались полуширокие или долгие *-а(-ə)*, вместе с ними образовался новый комплекс *-ла, -лә(-ле, -ло, -лө)*. В эту эпоху форма множественного числа имен существительных образовалась по следующей структуре: корневая морфема + праалтайский аффикс множественного числа *-л* + пратюркский аффикс множественного числа *-а > -ла*: *атла* «кони». Данный формант, по-видимому, долго оставался показателем множественности и после распада общетюркского единства аффикс *-ла* продолжал выполнять ту же функцию.

Таким образом, аффикс *-ла* в современных языках в значении множественного числа окончательно потерял свою функцию, оставив за собой следы в говорах и диалектах. Он сохранился полностью лишь в балкарском и кумыкском языках, отчасти в уйгурском, что обусловлено, по всей вероятности, их обособленным от других тюркских языков развитием и функционированием. В других тюркских языках прибавился новый показатель множественности *-р*. По всей вероятности аффикс *-лар* — явление позднейшее.

Во втором параграфе «История развития аффиксов принадлежности татарского языка» исследуется формирование и становление форм и аффиксов принадлежности.

В тюркских языках, в том числе и в татарском языке, аффиксы принадлежности следующие: имена на гласную основу в 1-м лице единственного числа имеют аффикс -м; во 2-м лице — общетюрк. -ң, -н, в чувашском -у тракайско-караим. (северный) -й; в 3-м лице — общетюрк. -сы, -си, восточно-тюрк. -зы, -зи, башк. -һы, -һе, якут. -та, -тэ/-то, -те, чув. -и. Примеры: общетюрк. ата-м, турец. баба-м, чув. атте-м, якут. ага-м «мой отец», общетюрк. ата-ң, западно-огуз. ата-н, якут. ага-ң, тракайско-караим. атэ-й «твой отец», чув. ач-у «твой ребенок»; общетюрк. ата-сы, восточно-тюрк. ада-зы, башк. ата-һы, якут. ага-та «его отец», чув. ач-и «его ребенок».

Имена на согласную основу в первом лице единственного числа имеют аффиксы: общетюрк. -ым, -им; во втором лице — общетюрк. -ың, -иң/-ын, -ин; чув. -у, тракайско-караим. -ый/-ий, в третьем лице — общетюрк. -ы/-и, якут. -а-э/-о-е. Примеры: общетюрк. ат-ым «мой конь», иш-им «моя работа»; общетюрк. ат-ың, западно-огуз. ат-ын «твой конь», соответственно иш-иң/иш-ин «твоя работа», тракайско-караим. ат-ый, чув. ут-у «твой конь»; общетюрк. ат-ы, якут. ат-а, чув. ут-ъ «его конь», чув. эс-е «его работа» и т.д.

Как видно из примеров, первое лицо единственного числа обнаруживает единство формы во всех тюркских языках.

Форма множественного числа образовалась от формы единственного числа путем присоединения аффикса множественного числа: общетюрк. -ыз-из, восточно-тюрк. -ыс, -ис, якут. -ыт, -ит, чув. -ър, -ёр. Примеры: первое лицо: южно-тюрк. ата-м-ыз, тат. ата-б-ыз, башк. ата-б-ыҫ, хакас. и ойрот. ада-б-ыс, тувин. ада-в-ыс, якут. аа-б-ыт «наш отец», чув. ача-м-ър «наш ребенок»; или южно-тюрк. ат-ым-ыз, тат. ат-ыб-ыз, восточно-тюрк. ад-ыб-ыс/ад-ыв-ыс, якут. апт-ыт (из ат-ыб-ыт) «наш конь».

Форма принадлежности второго лица множественного числа: южно-тюрк. ата-ң-ыз, тат. ата-г-ыз, башк. ата-Ғ-ыҫ тракайско-караим. атэ-й-ыз, якут. ага-г-ыт «ваш отец», чув. уд-ър «ваш конь».

Форма принадлежности 3-го лица множественного числа в тюркских языках специального аффикса не имеет. Там где необходимо указать на множественное число обладателя предмета, стоящего в единственном числе, часто присоединяется аффикс множественного числа -лар/-лэр, ср., например, башк. аҕайымдар бақса-лар-ын таҫарталар «мой старший брат и его семья чистят свой огород». При этом аффикс множественного числа -лар в форме бақса-лар-ын указывает не на множественное число предмета, а на множественное число обладателей.

Форма принадлежности типа ата-гыз/ада-гыз «ваш отец» в восточных и северных тюркских языках, на наш взгляд, образовалась от основы определенности на -г, например, киши-г «человек», ата-г «отец», ат-ыг «коня», и т.д.; к этой форме наращивался показатель множественного числа -ыз /-из, -ыс /-ис, якут. -ыт /-ит.

Тюркский аффикс принадлежности 2-го лица единственного числа -ң (звук носового резонанса), как и -н, является древним показателем определенности, который имеет генетическую связь с так называемым неустойчивым -ң (в письме -н) в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках [Киекбаев 1996: 270-272].

Форма типа *ата-сы* образовалась от более древней формы принадлежности на *-с*. Аффикс *-с* впоследствии утратил свое значение. Но он не исчез бесследно, а образовал согласную основу определенности, к которой затем наращивался аффикс принадлежности *-ы, -и*, как и ко всем именам на согласную основу по общей модели, напр., *ата-с* и *ата-с-ы* > *ата-сы* «его отец», *ини* «младший брат», *ини-с* и *ини-с-и* > *ини-си* «его младший брат» и т.д.

По этой же структурной модели образовалось и повелительно-желательное наклонение 3-го лица во всех тюркских языках: к любой основе глагола присоединяется аффикс принадлежности 3-го лица *-сы, -си, -су*, затем элемент *-н*, например, тат. *кара-сы-н*, башк. *қара-һы-н* «пусть он смотрит», узб. *ёша-су-н*, тат. *яшә-се-н*, башк. *йәшә-һе-н* «пусть он живет, (да здоровствует)».

Из вышеизложенного можно прийти к выводу о том, что «...форма принадлежности имен 3-го лица генетически связана с формой повелительно-желательного наклонения 2-го и 3-го лица единственного числа названных выше языков, поскольку обе формы исторически образовались по единой структурной модели» [Киекбаев 1996: 280].

Отдельные исследователи происхождение аффиксов притяжательности имен существительных возводили к личным местоимениям. Так, Л.З. Заляй, на наш взгляд, не совсем верно отмечает, что «нет никакой разницы в выражениях *мин килдем* «я пришел» и *минем килуем* «мой приход»: аффикс лица (*-м*) в слове *килдем*, а также аффикс принадлежности (*-м*) в слове *килуем* образованы от одного и того же личного местоимения *мин* («я») [Заляй 2000: 32].

При анализе аффиксов принадлежности башкирского языка Н.К. Дмитриев приходит к аналогичному мнению. По его утверждению, «...аффиксы первого и второго лица обоих чисел имеют отношение к личным местоимениям» [Дмитриев 1948: 57].

В заключении излагаются общие выводы диссертационного исследования. На основе теории определенности и неопределенности, а также при применении идеи фузионного развития формантов и вероятностных обоснований в изучении истории развития тюркских языков можно более точно установить, какую функцию выполнял в прошлом тот или иной элемент, входящий в состав современного осложненного аффикса и представляющий из себя один только согласный звук.

**Основные положения диссертации нашли
отражение в следующих публикациях:**

*Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства
образования и науки РФ:*

1. Гаряев, Р.Н. История формирования аффикса множественного числа имени существительного *-лар, -лар* в татарском языке / Р.Н.Гаряев // Вопросы филологии: (Спецвыпуск «Регионы России-2»). М. – 2006. – №6. – С. 123-127.

2. Гаряев, Р.Н. История развития некоторых аффиксов принадлежности в татарском языке / Р.Н. Гаряев // Вестник Башкирского университета. Научный журнал. Уфа. – 2008. – № 3, том 13. – С. 582-585.

3. Гаряев, Р.Н. Происхождение глагольных личных аффиксов, сказуемости и принадлежности имени существительного в татарском языке / Р.Н. Гаряев, Л.Г. Хабибов // Искусство и образование. Уфа. – 2008. – №9. – С. 89-94.

Другие публикации:

4. Гаряев, Р.Н. История развития аффикса винительного падежа в языках кипчакской группы / Р.Н. Гаряев // Проблемы филологии народов Поволжья. Московский сб. научных статей. Выпуск 1. – Москва-Ярославль, 2007. – С. 64-67.

5. Гаряев, Р.Н. Иззел-Урал буйы төрки халыктары телендә зат алмаштарының тарихи үсеше / Р.Н. Гаряев // Ядкяр. Вестник гуманитарных наук Академии наук РБ. – Уфа, 2007. – № 2 (37). – С. 84-85.

6. Гаряев, Р.Н. История развития исходного падежа в северной подгруппе языков кипчакской группы / Р.Н. Гаряев // РАН, Институт языкознания. Аспекты алтайского языкознания (Материалы Тенишевских чтений – 2007): Сб. ст. – М.: Советский писатель, 2007. – С.60-63.

7. Гаряев, Р.Н. Татар телендә сыйфат дәрәжэләренен барлыкка килү тарихы / Р.Н. Гаряев // Башкортостан укытыусыны (Учитель Башкортостана). Уфа. – 2007. – № 9. – С. 62-64.

8. Гаряев, Р.Н. Тәртип саннарының тарихи үсеше / Р.Н. Гаряев // Филологическая наука конца XX – начала XXI вв.: проблемы, опыт исследования, перспективы. (Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию заслуженного деятеля науки РТ и РФ, доктора филологических наук, профессора Л.Ш. Арсланова). – Елабуга, 2007. – С. 210-214.

9. Гаряев, Р.Н. Грамматик килешләрдеге аффиксларның тарихи үсеше / Р.Н. Гаряев // Филологическая наука конца XX - начала XXI вв.: проблемы, опыт исследования, перспективы. (Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию заслуженного деятеля науки РТ и РФ, доктора филологических наук, профессора Л.Ш.Арсланова). – Елабуга, 2007. – С. 215-220.

10. Гаряев, Р.Н. История происхождения основы глагола на -й настоящего времени изъявительного наклонения в татарском языке / Р.Н. Гаряев, Л.Г. Хабибов // «Сулеймановские чтения»: Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. – Тобольск. – 2008. – С. 198-200.

Отпечатано с оригинал-макета. Подписано в печать *17.11.08*
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. 1,2 л. Тираж 100 экз. Заказ № *1350*

Печать, брошюровка и переплет минитипографии
ГОУ ВПО «Тобольского государственного педагогического института
им. Д.И.Менделеева»
626150, г. Тобольск, ул. Знаменского, 58.

